

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 6-7

ВИДЕТЬ
КРАСОТУ
ВО ВСЕМ

стр. 8-9

ПонаУехали

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные
новости

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

Он создал фиктивную воинскую часть и дошел до Берлина. Его не пугал даже Сталин. Он сделал миллионное состояние под носом у советской власти, несмотря на грозящую за это смертную казнь.

Геннадий Норд

Крестьянскому сыну Николаю Павленко на роду было написано стать мельником — но судьба сложилась иначе. В годы войны дезертир Павленко умудрился создать фиктивную воинскую часть, стать ее командиром, полковником, орденоносцем...

Виртуозный мошенник прошел всю войну, дошел со своими «бойцами» до Берлина, где завхатил множество трофеев. Увешанный орденами и медалями, Павленко с миллионным состоянием заслуженно вошел в элиту ССРС и уже готовился стать генералом — но погорел на сущем пустяке...

Николай Павленко родился в 1912 году в селе Новые Соколы Ивановского района Киевской области. Задумай он продолжить семейное дело — стал бы обычным мельником. Его отец Максим Павленко был кулаком — зажиточным крестьянином, владевшим двумя мельницами и торговавшим зерном и мукой.

В своей большой семье Николай оказался седьмым ребенком. И, пожалуй, самым своеобразным из всех: окончив церковноприходскую школу, Павленко с 13 лет трудился писарем у деревенского старосты и категорически не хотел обучаться землемерческому ремеслу. Этим он нередко вызывал родительский гнев.

Терпеть нападки недовольного отца Николаю окончательно надоело в 14 лет. Он самостоятельно изготовил себе справку с липовыми данными — печать выкрадул у старосты, пользуясь служебным положением. В ней юноша указал, что его отец обычный бедный крестьянин и прибавил себе 4 года, изменив 1912 год рождения на 1908 год. После этого Павленко собрал все свои нехитрые поклажи и ушел из дома. Путь его лежал в Минск.

Там он устроился работать строителем-дорожником.

Уже в Минске до Павленко дошли слухи, что его отец раскупачен, оказался из решетки и скончался там от истощения. Семья голодала. А Николай помочь родным не мог — сам перебивался с копейки на копейку. Однако лютую обиду на коммунистов юноша затягнул, правда, не особо рассчитывая поквитаться с врагами. Но вышло иначе.

Долго ходить в рядовых работах Павленко не рассчитывал: стремясь к лучшей жизни, он поступил в Минский политехнический на автодорожный факультет. Но проручиться там успел всего два года — педагоги стали догадываться, что студент гораздо моложе, чем пытается казаться, и не обладает всеми школьными знаниями. Поэтому кадровики получили задание: проверить достоверность биографии Павленко, послав запрос на его родину.

На дворе стоял 1930 год — и подделка биографии грозила сурьмовым сроком. Павленко стоял боится вдвое, ведь его отец был репрессирован, и этот факт он тоже скрыл. Не дожидаясь позора и лагерей, молодой человек бросил политех и подился в бега. Павленко обосновался в городе Ефимов и, боясь вновь «светить» поддельными документами, стал воровать.

В 1935 году он попался на краже и провел 35 суток под арестом. От тюрем, а, может, и расстрела, Павленко спасло согласие сотрудничать с представителями Народного комиссариата внутренних дел — НКВД.

Для того чтобы подтвердить свое желание сотрудничать, Павленко «слил» обсибистам двух своих бывших коллег по дорожному делу. Те были поклонниками идеи опального Троцкого и имели неосторожность поделиться этим с Николаем. В итоге рабочие, преданные Павленко, отправились в лагерь

и, а стукач стал работать в Главном военно-строительном управлении СССР, куда простым смертным путь был закрыт.

Несмотря на проклятия и могущественных покровителей, на новом месте Павленко не расслаблялся и работал на совесть. Вскоре он стал расти по службе: начав проработом, дороже звания старшего и должности заведующего строительным участком. Впрочем, от своих авантюристов Павленко не отказался: он умудрился продать на сторону вагон строительных материалов, выручив за них приличные деньги.

Спокойную и сияющую жизнь Николая прервала Великая Отечественная война. В июне 1941 года он поступил на службу во Второй стрелковый корпус, где стал помощником инженера. В боевых действиях Павленко приходилось участвовать нечасто, но и этого хватило с лихвой. Умирать он не хотел и решился на дезертирство.

В один из дней октября 1941 года, когда его часть находилась в Вязьме, Павленко поддался командировочное удостоверение. После этого с еще одним дезертиром — водителем по фамилии Щеглов — он на служебном грузовике отправился в город Калинин (ныне Тверь). Там проживали родные и знакомые Павленко.

Долго задерживаться в Калинине дезертир не планировал, но вмешалась судьба. На местном Гравюранте Павленко встретил девушку Зинаиду, и вскоре после знакомства женился на ней. Своей молодой супруге Павленко наврал, что он офицер Красной армии, который находится в городе на секретном задании. Тащить новосибирскую супругу неизвестно куда лжец не рискнул — и решил пустить корни в Калинине. Занятие Павленко нашел себе быстро: множество дорог и мостов города и окрестностей требовали реставрации и восстановления, а в

этот он разбирался хорошо. Однако спокойной жизни не вышло и в этот раз.

На одном из застолий с участием Павленко, помимо его близких, оказался некий Людвиг Рудниченко, который был на войне специалистом по тактическим действиям, но позже дезертировал. В довесенном прошлом Рудниченко был резчиком по дереву, и с тех пор у него осталась привычка постоянно что-то мастерить. Вот и в тот вечер бывший резчик, поддерживая разговор, неспешно возился с непонятно откуда взявшейся в избе старой резиновой подушкой, что-то старательно из нее вырезая.

Когда он закончил, все присутствующие ахнули: в руках у Людвига была очень похожая на настоящую гербовую печать воинского подразделения.

Этим талантом и решил воспользоваться неутомимый Павленко: ему в голову пришла безумная идея — создать ни много ни мало, целую воинскую часть.

Рудниченко идея Николая понравилась, и он согласился помочь.

Стараниями рукастого умельца вскоре был готов пакет документов, штампов и печатей нового формирования — Участка военно-строительных работ Калининского фронта №5 (УВСР-5).

Подсуетился и сам Павленко: подложив сотрудникам местной типографии, он обзавелся бланками финансовых документов, необходимых для придания его дядицу пущей достоверности. К примеру, командировочные требованиями, в «шапке» которых были указаны реквизиты фальсифицированного УВСР-5.

А для того чтобы избежать ненужных и опасных для них проверок, заговорщики озабочились документом, согласно которому их Участок находится в прямом подчинении Сталину. Этот ход оказался невероятно

действенным: как только случайные ревизоры видели бланк, охота разбираться с бумагами воинской единицы у них моментально пропадала.

Но как было избежать излишнего интереса со стороны НКВД? Павленко и здесь выкрутился. При поступлении в часть нового человека он направлял в ведомство запросы с целью подтвердить благонадежность новичка и тем самым выводил свою организацию из-под малейшего подозрения в нелегальном существовании. Часть обмундирования афериста приобрели на рынке, а другую умудрились пошить на швейной фабрике имени Володарского, сотрудники которой за свою говорчивость были щедро одарены. Для нужд УВСР-5 сходили и грузовики, на которых Павленко бежал с фронта в «командировку».

Себя командир УВСР Павленко тоже снабдил соответствующими бумагами, по которым являлся полковником и военным инженером третьего ранга. Все, кто был рядом и помогал Николаю в нелегком деле создания липовой части, сразу же получили офицерские должности. Осталось только найтить бойцов, что Павленко вскоре и сделал, вступив в спор с военным комиссаром города.

Именно с его помощью в часть полковника Павленко стали поступать военнослужащие, которых, как правило, оказывались отставшие от эшелонов или только что выписавшиеся из госпиталей солдаты. В итоге те спокойно продолжали службу, даже не догадываясь, что фактически состоят в банде. Были в составе Участка и обычные дезертиры, которых за «сотрудничество» Павленко обещал приличные деньги.

Все спорные вопросы Николай привык решать при помощи взяток — деньгами или продовольствием, например, американской тушеникой. Неизвестно какой суммой он задбрал руководителя одного из городских эвакуационных пунктов, военного врача, который поставил всех солдат УВСР на довольствие. Кроме денежного вознаграждения, что поступило непосредственно в карман эскапула, военнослужащие под командованием Николая безвозмездно отремонтировали все здания, которые относились к санаториуму.

Вскоре после этого на УВСР-5 посыпались заказы от различных организаций, которым требовалась разного рода ремонт. Работали солдаты на совесть — и бюджет Участка стал быстро пополняться. Павленко и себя не обижал, и денег на сотрудников не жалел: «офицерский состав» получал наличные, а ничего не подозревающие военнослужащие — неплохо по тем временам питание.

К 1942 году, когда был раформирован Калининский фронт, численность УВСР-5 возросла с 3 до 200 человек. Впрочем, в неопределенности часть пребывала недолго: с помощью всех своих связей и денег Павленко пристроил свое «детице» на довольствие к 12-му району авиационного базирования (РАБ). Отныне его бойцы обслуживали военные аэродромы. Тогда же УВСР-5 был переименован в Участок военных работ (УВР-5), а его командир Павленко благодаря высоким связям начальника РАБ получил орден Красной Звезды.

Вместе с советскими войсками члены УВР-5 пошли на Берлин. Но если обычные солдаты Участка думали, что идут ставить финальную точку в битве с фашистами, их криминальные «коллеги» знали истинную цель этого путешествия — максимальное

обогащение на землях противника. Пона-чалу подопечные Павленко пусть и грабили на своем пути, но хоть изображали рвение к боям. Однако как только было объявлено о капитуляции Германии, «солдаты» пустились во все тяжкие и занялись открытым мадордерством.

За действиями сослуживцев с ужасом наблюдали истинные военные из УВР-5. Опаясь, что они могут доложить о бесчинствах вышестоящему руководству, Павленко решил устроить показательную порку: как-то поутру выстроил всех бойцов, вызвал к себе трех особо рьяных мадордеров и после предъявления им обвинения расстрелял.

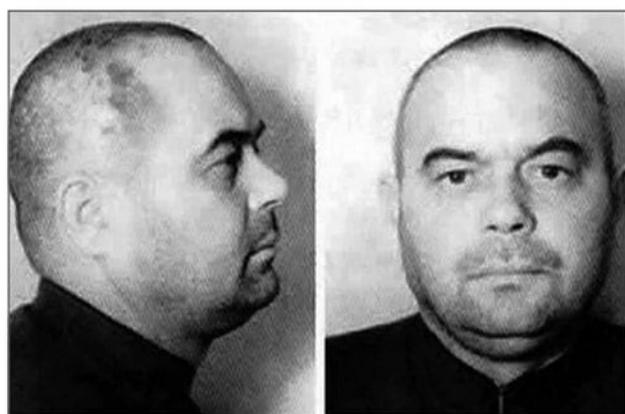
Вскоре встал вопрос — как вывезти все награбленное на родину? А вывозить было что: в руках павленковских бандитов оказалось несколько легковых автомобилей, грузовиков, тракторов и мотоциклов, десятки мешков с сахаром, крупами и другими продовольствием, а также большое количество коров, овец и коз.

В ход пошел проверенный способ: Павленко отсыпал среди нужных людей того, кто согласился помочь за приличное вознаграждение. Буквально на следующий день банду Павленко эхала в сторону Москвы на собственном поезде — весь скарб еле уместился в 30 вагонах.

При этом за свои криминальные проделки члены УВР-5 полковника Павленко еще и удостоились высоких наград. Лидер банды сфальсифицировал данные, предоставив в нужные инстанции поддельную информацию о «подвигах» своих бойцов. Немногим позже в часть прибыло 230 орденов и медалей, которые начальник собственноручно вручил солдатам на плацу. Себя Павленко не обделил — обозвался орденами Отечественной войны I и II степени и орденом боевого Красного Знамени.

После этого хитрый полковник демобилизовал ту часть военнослужащих, а некоторые из них к этому времени успели дослужиться до сержантского звания, которая не подозревала об афере, оставив только своих приближенных.

Павленко со спокойной душой приступил к реализации трофеев. С вырученных денег он оставил себе 90 тысяч рублей, а все остальное раздал подельникам. Распределяли наличные исходя из званий: офицеры получили по 25 тысяч, а рядовые — по 12 тысяч рублей.

Деятельность своего УВР Павленко постепенно свел на нет. В 1948 году он открыл ателье «Пландрострой» и вскоре договорился со своим помощником Юрием Константиновым по кличке Константинер, чтобы тот сбежал с 300 тысячами рублей, принадлежащими артели. Деньги подельники планировали разделить между собой. Чтобы при расследовании этого инцидента не вскрылась афера, Павленко сразу после хищения решил произвести «ребрендинг»: так вместо УВР-5 появилось УВС-1 — Управление военного строительства.

Штаб новой части был передислоцирован на Западную Украину: там в ту пору свирепствовали бандеровцы, а общую смуту Павленко считал благом для своих машинаций — ведь местным властям было явно не до мошенников.

Всю документацию, оттиски, печати и штампы подготовил верный преступной идеи Людвиг Рудниченко.

Дела Павленко пошли в гору. УВС-1 с филиалами в Белоруссии, Литве, Эстонии, Латвии и Молдавии начало получать многочисленные госзаказы — в основном на строительство мостов и дорог, в том числе железнодорожных. Деньги стекались на счета полковника, открытые в 20 отделениях Госбанка. За пару лет работы УВС-1 удалось получить порядка 25 миллионов рублей. При этом Павленко понимал — от качества работ зависит имидж его очередного детища, и не жалел никаких денег на привлечение высококвалифицированных специалистов.

К началу 50-х годов Николай перестал скрывать свой высокий достаток: передвижался полковник исключительно на автомобиле марки «Победа», его дом полнился антиквариатом, в дружилах у него значились лишь высокопоставленные лица. Министр пищевой промышленности Молдавии, первый секретарь Тираспольского и Бельцкого горкомов партии, секретари обкомов, прокуроры, руководители крупных госпредприятий, командиры воинских частей — все они всегда были готовы оказать Павленко свою протекцию.

Погорел он, как это часто бывает, на мелочи. Особенностью того времени было распространение облигаций госзайма, и чем воспользовались «офицеры» УВС-1. Ценные бумаги они предлагали приобретать рядовым, одного из них нагло надули — взя-

ли деньги, а положенное количество облигаций не отдали. Обиженный служивый, решив, что правды у Павленко не добьется, напрямую обратился с жалобой к Прикарпатской прокуратуре.

Сотрудники ведомства направили запрос в Минобороны и были ошарашены ответом: Управление военного строительства в списках ведомства не числилось. Следователи заявились в штаб части и побеседовали с полковником, а тот, в свою очередь, не преминул кинуть на документ, согласно которому часть находилась в ведении Сталина. Но зря Павленко рассчитывал таким образом запугать ревизоров.

Точнее, сами они не рискнули «копать глубже», а попросту возбудили уголовное дело и перенаправили его в Главную военную прокуратуру СССР. А уж там быстро выяснили: УВС-1 не относится ни к Минобороны, ни к МВД, ни к министерству госбезопасности (преемник НКВД)...

И будь Павленко чуть менее самоуверенным, он мог бы спастись, используя все свои накопления. Но убежденный в своей неприкосненности Николай (еще бы, при таких-то связях!) продолжал делать свою работу и даже готовился к «получению» нового звания. Позже при обыске в его кабинете обнаружили заготовленные для такого случая генеральские погоны.

Но вместо повышения Павленко получил севшее на хвост следствие и предательство некоторых из своих знакомых — к примеру, Людвига Рудниченко. Тот принял участие в шантажировании товарища возможностью своего сотрудничества со следственными органами — и Павленко был вынужден отдать Людвига за молчание 25 тысяч рублей.

Между тем расследование вывело: из-за афера лже-полковника мимо госбюджета прошли 38 миллионов 700 тысяч рублей.

14 ноября 1952 года можно считать последним днем существования УВС: в ходе операции правоохранительных органов было арестовано свыше 400 человек, 50 из которых были военными.

Оказались за решеткой и трое главарей — Павленко, Константинов и Рудниченко. Судебный процесс стартовал в ноябре 1954 года — «дело Павленко» насчитывало 164 тома. В качестве улик фигурировали многочисленные штампы и печати, документы, удостоверения, техпаспорта, в том числе на 6 легковых и 62 грузовых автомобилей, пистолеты, винтовки, карабины. Всего более 100 единиц оружия.

Все 17 подсудимых обвинялись в участии в контрреволюционной деятельности, диверсии по части госпромышленности, вредительстве и антисоветской агитации. Сам Павленко держался смело и даже заявил трибуналу, что, к слову, отчасти и было правдой. За все годы существования УВСР, УВР и УВС было восстановлено и проложено несколько тысяч дорог и мостов по всему СССР.

Однако эти заслуги судом во внимание приняты не были — и 4 апреля 1955 года суд вынес вердикт: Николай Павленко приговорили к высшей мере наказания — казни через расстрел с конфискацией имущества. Его подельники получили от 5 до 25 лет тюрьмы.

Жизнь, пожалуй, главного афериста сталинской эпохи прервалась через несколько дней после вынесения смертного приговора.